

(Не) детские сказки. В объятьях медведя

Автор:

Мария Лунёва

(Не) детские сказки. В объятьях медведя

Мария Лунёва

«...Мир завертелся, закружился, я, кажется, кричала, но вой ветра заглушал.

Меня уносило вихрем, а где-то надо мной слышался громкий женский смех и глухое рычание волка.

– Да, Моеко. Это будет совсем не детская сказка! – эта фраза последнее, что я услышала...»

Мария Лунёва

(Не) детские сказки. В объятьях медведя

Пролог

«Этот мир знает тысячи историй истинной любви. Но каждый раз, открывая для себя новую, мы ждем, как дети, очередного неповторимого чуда»

от автора

1861 год

Эта зима выдалась особенно снежной и холодной. Бураны, метели, дороги заметало за ночь. Дворы расчищали каждое утро. А морозы все не отступали, только ветер в деревьях завывал, нагоняя стужу. В такую погоду на печи бы теплой лежать с кошкой Дунькой, да отвар горячий пить. А еще сказки бы послушать, что бабушка сказывать любила, про барынь богатых и принцев заморских, про вьюжку озорную и богатырей несокрушимых.

Да никак. У нас в семье правило одно: не работал – сиди голодный и смотри, как другие кашу на масле с общего казана ложками черпают.

Тяжело кряхтя под весом зимнего тулупа, что был мне явно не по размеру, я вышла из лесу, миновав укутанный в сугробы ельник. Надо мной шмыгнула белка, встряхнув с широких игольчатых лап раскидистой ели снег. Это было бы даже смешно, если вся эта масса не просыпалась мне на голову.

Отряхнувшись и глянув наверх на рыжую проказницу, погрозила ей кулаком, а после не спеша спустилась с пригорка. Под узду я вела тихую чахлую лошадку, запряженную в дровни. Под ногами хрустел наст, позади за моей спиной противно скрипела несмазанная полозья повозки груженной доверху. А в небе набегали тяжелые черные тучи, закрывая ясное солнышко и грозясь обрушиться на землю очередным густым снегопадом.

Всматриваясь вдаль, только вздыхала: до деревни еще топать и топать. Из лесу за поляной раздавались тяжелые удары топоров – приемный батька с братьями старшими рубили молодые деревца на дрова, а я вязала ветки и складывала их в дровни, а после свозила это все в село. Сама! Так как считалась в семье уже девочкой взрослой, к работе способной. И дело мое было ответственным: хворост-то по зиме сложно сыскать, а так просохнут ветви, и вези на продажу.

Обернувшись, я ухватилась крепче за узду и пошагала вперед. Боязно мне было. Волков выдывали этой зимой здесь и не раз. Голодно в лесу вот и к деревьям лютые выходят. А иной раз и во дворы домов забираются, что на отшибе стоят. Курятники да голубятни разоряют. Умные твари и хитрые. А злющие-то какие! Страшно ночью из дому шагнуть. Собаки в будки жмутся.

А барин наш кормилец не торопится охотников присылать, ему-то хорошо, он этими тропами на санях своих ряженных не разъезжает. А мне топай и дрожи со страху. Иные семьи своих детей никогда бы одних по дороге этой не пустили,

только вот мне не свезло. Померли мои батька с мамкой, а всех нас детей осиротевших раздали по родственникам. А меня к тетке сослали. Да только невзлюбила она меня. Не скрываясь, говорила, что я для нее рот лишний, и что сирота в невесты никому не нужна будет. Так и буду камнем висеть на шее ее.

Поежившись, я постоянно оглядывалась по сторонам. Сердечно заходило в тревоге, а увидев у самой дороги свежие следы звериные, так и вовсе остановилась. Волчьи. Не собака-то. Уж я-то не маленькая уже, десять годков стукнуло, что я след волка от пса дворового не отличу. И совсем у меня поджилки затряслись. Лошадка наша старенькая повела носом и занервничала. Переступая с ноги на ногу, трясла головой, а потом так и вовсе сорвалась с места. Я за ней, да, куда мне в толстом мужицком тяжелом тулупе то снегу-то за ней угнаться.

Заругает тетка. Розгами отходит за то, что упустила кормилицу нашу. Без нее ходу в избу мне нет.

Я бежала по следу саней и видела там вдалеке, как маячила моя беглянка на дороге.

Что-то тяжелое сбило меня с ног. Аж дух вышибло. Покатившись кубарем, упала лицом в сугроб. И сразу холод такой пробрал. Вставать бы надобно да не успела. Что тяжелое опустилось на мою спину и над ухом послышалось тяжелое нечеловеческое дыхание. С хрипотцой.

Схватив меня за тулуп, зверь потащил волоком по снегу вперед. Испугавшись, я истошно закричала. Только понимала: как волки появились у дороги, так не ходит тут почти никто. А дядька мой с братьями только к зорьке из лесу выйдут.

Перевернув меня на спину, волк наступил на мою грудь передними лапами и склонился низко, обогривая мое лицо смрадным дыханием.

– Нашел невестушку, Моеко? – повернув голову и преодолевая чудовищный страх, я увидела женщину в нежно голубом длинном расшитом серебряными нитями кафтане. Красивая она была: волосы белы как снег, губы полные, щеки румяные. – Испугалась девочка?

Я как могла, закивала. А сама любовалась красавицей статной, даже страх свой на мгновение позабыла.

– Отвечай, когда вопрос задают.

– Да, барыня, – пропищала я.

– Барыня, – женщина засмеялась, – скучный у вас мир, ни магии, ни волшбы. И в бога единого веруете, которого даже не видали. Скучно. А хочешь в сказку попасть? – я сглотнула и зыркнула на волка, что все еще стоял на моей груди. – Это будет очень страшная сказка. Станешь невестой зверя. Проявишь силу и характер – выживешь, нет, так сгинешь. Все интереснее будет, чем тут прозябать. Да и помрешь ты в мире этом через годок от хвори черной.

Женщина задумчиво осматривала меня, лежащую в снегу, а я не совсем понимала, о чем она. В какую сказку и почему я помереть должна? Но было в ее словах нечто зловещее.

– Ну как, Моеко, сгодится твоим братьям перевертышам такая невеста?! Редка девушка, особенная, такими не разбрасываются.

Волк оскалился и впился в мои глаза тяжелым немигающим взглядом.

– Да, решено! Я сегодня добрая, – странная женщина захохотала, – вот тебе мой подарок – жить в сказочном мире. Коли душой не будешь – найдешь свое счастье.

– Кто вы? – шепнула я, видя, как вокруг меня разрастается невиданный снежный вихрь. Снег комьями взлетел с земли, деревья затрещали да склонили кроны. Все вокруг приходило в движение, пугая и заволаживая.

– Я, невестушка, Матушка Зима, – ответила красивая барыня, – миров много, девочка, а зима она везде одна. И властвую над ней я.

Мир завертелся, закружился, я, кажется, кричала, но вой ветра заглушал.

Меня уносило вихрем, а где-то надо мной слышался громкий женский смех и глухое рычание волка.

– Да, Моеко. Это будет совсем не детская сказка! – эта фраза последнее, что я услышала.

Глава 1

Девять лет спустя

Наша деревенька находилась на самом краю леса на пологом холме. Десяток обнищавших домов, которые после войны некому было чинить. Заборы покосились, крыши домов прохудились, а кое-где и стены обвалились. Не осталось в нашем селе мужиков, только слепой старик, что доживал свой век во вросшей в землю избушке. И помер бы много зим назад, если бы местные перестали носить ему хоть какую-нибудь снедь.

На улице уже давно не бегала ребятня, повзростали все да разбрелись, только вот мне некуда было уходить. Вся родня вот она – за огородом в двух могилках. Приемные отец и мать.

И куда же мне идти, коли не нужна никому. Я ведь и не в этом мире рождена. Почти десять лет назад я встретила на деревенской дороге странную женщину, а после очнулась в неизвестном мне месте и замерзла бы насмерть, если бы не мужчина, возвращающийся с леса домой. Он то и подобрал перепуганную меня и буквально на руках принес в свой дом. Его жена оказалась очень доброй женщиной. Она заменила мне мать.

Я горя не ведала, пока живы они были. Этот период своей жизни я назвала бы самым счастливым и женщине той с ее волком, что ворожбу на меня навела, благодарна была.

Но беды все же вспомнили меня. Сначала на войне сгинул отец, а вслед за ним, тихо сойдя с ума от своего горя, и мать. Ее любовь к мужу оказалась настолько сильна, что даже я не справилась с черной тоской, что отравила ее душу.

А теперь одна я осталась в маленьком домике, который видел и счастье, и горе, и слезы, и радостный смех. Только старый он. Крыша протекает, на стенах пятна черной плесени. Нет мужской руки. А я? А что я могу? Только надеяться, что проживу еще хотя бы одну зиму. А по весне...если жива буду, может и придумаю что.

Подойдя к лопнувшему окну, я выглянула на улицу. В небе напоздали со стороны леса тяжелые темные тучи. Эта осень совсем не баловала нас хорошей погодой и грозила приходом ранней зимы. К которой я, увы, еще не готова.

И дровами не разжилась в полной мере, и стены не промазала, и из оконных щелей дует так, что подол платья колыхается. Плохая из меня хозяйка, нерадивая. Одно оправдание мне было – девятнадцатый год только пошел: опыту мало, жизнь еще ничему научить не успела, разве что, как могилки рыть, да дрова колоть. Хотя и это меня не оправдывало.

Вздыхнув, я принялась заделывать щели мховыми валиками. Правда, все это была мышиная возня. Дом нуждался в ремонте. Пока мама была жива, она все бегала к калитке и ждала отца: не хотела верить, что не вернется он. А изба приходила в запущение. На все у нее была одна отговорка: «Вот воротается батька и подчинит, подлатает, заделает». Только вот не суждено ему было более переступить порог этого дома и обнять нас. И мириться с этой мыслью мы не желали.

Соседи роптали, что совсем женщина умом тронулась. А я понимала ее и даже после того, как мамы не стало, я нет-нет, да выхожу к калитке и гляжу в ту сторону, откуда когда-то замершую, худую, голодную принес меня папка в дом. Да всплакну по нему и по маме. Вспомню, как хорошо нам жилось, и улыбнусь.

Первое время, как одна осталась, совсем плохо мне было. Все сочувствовали, кто-то первое время еды приносил, и все роптали, что и зимы не протяну. Пятнадцать годков – не ребенок уже, но и не взрослая.

Некоторое время я надеялась, что кто-нибудь заберет меня к себе. Усыпая, молилась добрым духам леса, чтобы завтра у меня снова появилась семья. Но это счастливое завтра так и не наступило.

Вот так и выросла.

Тщательно запихивая в многочисленные щели вымоченный мох, я поглядывала на оконные рамы. Чем их-то латать не представляла. Ну не забивать же намертво, свет должен в избе быть.

Вдалеке послышался охотничий горн, заставивший меня вздрогнуть. Опять барские сынки зверье по лесу гоняют. Они лесных жителей злят, а те на нас отыгрываются. Не было в моем родном мире существ таких. По первой не верила я в рассказы отцовские о перевертышах и духах лесных. Пока глазами своими не увидела однажды, как мужик рябой лисом обратился и скрылся в чаще дремучей.

Не жаловали жители мира лесного люд простой. Зорко берегли земли свои и не терпели наше присутствие.

А сейчас, как голод пришел в края наши, так совсем стало страшно за дровами ходить. То тут, то там, нет, да и натолкнешься на насаженную на кол чью-то высушенную голову. Перевертышам да двуликим все равно, прав ты или виноват: забрел на их землю, преодолел рунные камни – почитай, все нарушил их покой. Хорошо если живым выберешься. Ну, а коли, нет, так украшать своею головой лес будешь: служить немым предупреждением, что дальше лучше не заходить.

А эти удумали тут шастать, да лес тревожить.

Звук горна повторился вновь.

Загоняют они кого, что ли?

Отложив деревянный таз со мхом, я, накинув на себя старую матушкину местами протертую шубу, вышла глянуть, что на улице творится. Мы страх как не любили, когда к нам барские отпрыски заезжали. Они же как кролики, мало того что все сожрут, так еще и попортят кого из женщин. От них одни несчастья.

Постояв немного у покосившегося крыльца, ничего подозрительного со стороны леса не заметила. Может, обойдут стороной нашу деревню гости эти трижды

клятые. Мой огород как раз у самого леса и заканчивался: пара больших грядок, а дальше оставшиеся два столба, на которых некогда забор держался и, считай, густой подлесок. По-хорошему, молодую поросль сосен еще десять лет назад выкорчевывать нужно было, а сейчас деревья разрослись и активно захватывали мои скромные уголья. Слишком поздно я спохватилась, но все же огород у меня еще был и сил на то, чтобы его обрабатывать, хватало.

В конце-то концов, много ли мне нужно?

Я уже было решила вернуться в дом, как снова по округе разнесся тревожный звук охотничьего горна. Но теперь казалось, что всадники совсем рядом. Из-за перелеска выскочил деревенский пес и разразился на кого-то невидимого звонким лаем.

Всполошившись, я схватилась за облупившиеся от времени перила и поднялась по лестнице. Так успею укрыться, если там зверь какой. Пес продолжал истошно лаять. Но я никого не видела. Кусты не шевелились, настораживающих звуков, рыка или еще чего тоже слышно не было. Но собака упрямо бегала вокруг молодых сосенок прямо по моему огороду.

– Фу! – громко прикрикнула я.

Пес отбежал, но глянув на меня снова, вернулся и неуверенно тявкнул.

– Я сказала: «Фу»! – еще громче рявкнула я.

Видимо, пес некогда был охотничьим, потому как послушаться второй раз он не решился, а несмело отбежал на расстояние. Я стала выжидать. Не верилось, чтобы собака вот так брехала в пустоту. Может, там кто мелкий притаился? Вдруг горемычные охотнички какого подранка мне сюда загнали. А чего? Заберу тушу, да посыплю землю вокруг перечной травой. У меня ее высушенной в избытке. Я по лету на тракт выхожу да торгую специей этой перемолотой. Так что запасов с избытком.

Заскочив в дом, вытащила из кладовки пузатый бочонок с сушеной перетертой травой, да обратно, пока кто до моей добычи не добрался.

Выскочив наружу, обнаружила у крыльца замершего в нерешительности пса.

– А ну, домой марш, – скомандовала я, – нарисуются барины со своей псарней, так и растерзают тебя, задохлика, потехи ради. С них, дураков, станется. Домой пошел, в будку!

Пес опустил голову, еще раз глянул на заросли за моим огородом, и потрусил куда сказали. Умная собака!

Сойдя с крыльца, пошла проверять, кто же у меня там притаился. Заяц, косуля – мое воображение перебирало варианты, а бы не кабанчик, с ним могу не сладить. Прижимая к себе бочонок, заглянула за густую поросль сосенок и обомлела, забыв как дышать от страха.

Огромный медведь подранок.

Что же я сюда сунулась, дурная. Словно решив меня, бедную трусиху, совсем добить, рядом разнесся тяжелый звук горна.

Ну, уж нет. Животное лежало не шевелясь. Совсем загнали царя лесного. Хотя, рана у него на боку рванная была, словно в схватке какой поучаствовал. Видимо, где территорию косолапые не поделили, а тут охотники как назло.

И что делать?

Я еще раз глянула на зверя страшного. Хотел бы или мог кинуться на меня – уже бы растерзал. Такая жалость меня пробрала. Погубят же. Спасать его нужно. Пусть уж помрет достойно. Знаю я, что эти охотнички с ним сделают, коли найдут. В этом тайны нет никакой. Травить псин своих, дурных, станут. Мучить, терзать зверя.

Неправильно это!

Да и видят все духи лесные. Не укроется от них зверство такое. Открыв крышку бочонка и отойдя от тяжело дышащего зверя на приличное расстояние, я спешно осыпала его по кругу перечной травой. Это намертво нюх у любой собаки отобьет.

Распылив практически половину бочонка и сама уделавшись в специи вся, я рискнула снова приблизиться к зверю. Зачем? Сама не понимала. Дикий зверь опасен стократ. А уж медведь тем более. Но тянуло меня к нему, будто кто ниточку незримую завязал и притягивает.

Выглянув из-за кустов, проверила, жив ли подранок. Дышал тяжело, но ровно. Приблизившись на шаг, присела и заглянула в мудрые глаза цвета темного меда.

– Лежи, Мишенька, не найдут тебя здесь. Я им весь нюх сбила, – тихо заговорила я, – а как оклемаешься, так ступай в лес домой, в места укромные, да в берлогу залегай. Зима уж на носу, приличные медведи по лесу не шастают.

Зверь наострил уши и принялся, а потом издал странный звук, словно чихнул.

– Эта трава перечная. Я ее по весне собираю на опушке. Жжется она сильно, вот никто с ней связываться и не хочет. А мне-то что, у меня руки давно загрибели, уже и не чувствую, как щиплется она.

Медведь приподнял здоровую голову и впился в меня таким пристальным взглядом, что стало неуютно да боязно.

Наши гляделки прервал приближающийся собачий звонкий лай – свора шла по следу медведя. А за ними, наверняка, охотники следуют.

– Я, Мишенька, туточки посижу, пока гости незваные не уберутся подальше. Я же для них, как и ты, добыча, только играть с нами по-разному будут. И уж не знаю, кому участь легче достанется. Не обижай уж меня, – я тихонечко присела на тонкий поваленный ствол. – Переждем тихо и оба живы будем.

Медведь снова спустил голову и замер. Так мы и сидели, а вокруг нас на отдалении бегала свора. Уж я-то знаю, как сейчас у собак-то нюх отшибет. Коли люди сами в заросли не полезут, так и не сыщут нас. А барина выкормыши – трусливы, они и близко сюда не подойдут.

Время тянулось нескончаемо долго, но собачий лай стихал. Где-то в чаще лесной снова прозвучал горн.

С неба посыпался снег. Большие хлопья парили, легко опускаясь на землю.

– Вот и зима пожаловала, – выдохнула я, – а я, клуша, все лето на тракте с травами своими простояла. Все надеялась денег подкопить, да в город съездить, что в двух днях отсюда, купить листы кровли да крышу подлатать.

Размечталась, дуреха.

Замолчав, я поймала пальцами похожий на маленькое перышко снег.

– Знаешь, сколько стоит крыша эта? Мне всей травы на опушке не хватит, продай я ее. Вот так и осталась ни с чем. Обмазала глиной со мхом перемешанной щели, ветвями прикрыла, но не будет толку от того. Эта зима для меня самой страшной будет. Если морозы лютые ударят, так может, и не увижу я весны следующей.

Подобрав небольшую палочку, я начертила на земле руну жизни.

– Моя соседка так умерла, замерзла в своей постели, заболела видимо, и сил не хватило печь растопить. По весне ее нашли. Не хочу я так помирать, пожить хочется.

Тяжело вздохнув, я встала на ноги. Стыдно перед собой стало. Сажу и зверю раненому плачусь о судьбе своей. Только у него свои беды и нет ему дело до девчонки в истрепанной заячьей шубке.

– Береги себя, Миша. Ушли собаки и мне домой пора, рамы еще промазать.

Развернувшись, я скользнула в ельник, но в последний момент обернулась на своего случайного знакомого.

– Коли выживем, приходи по весне поболтаем. А если не будет уж меня, так вспоминай иногда девушку, что сидела с тобой в ельнике да за жизнь беседовала. А мне там, в небесах, хорошо от того будет. Некому больше обо мне на земле этой вспомнить.

Глава 2

Открыв глаза, я уставилась на тоненький, почти невидимый ручеек, стекающий со щели в потолке прямо в центре комнаты.

На улице шел дождь. Он нудно тарабанил по крыше, размывая глину, которой я заделывала прогнившие бреши, сводя на нет всю мою работу. А если завтра еще и морозы ударят, так и вовсе все насмарку пойдет. И досок никаких нет, чтобы хоть приколотить где совсем дело худо, хотя там же прогнило все – один удар молотком и в труху кровля осыплется.

Я тяжело вздыхала и, глядя на лужу на полу, что образовалась за ночь, понимала – все мои старания заделать крышу успехом не увенчались. Она все так же протекала.

Сев на постели, поежилась.

Холодно и очень сыро. Нужно затопить печь, а после идти в лес и, пока не легли глубокие сугробы, запастись дровами. Они ведь еще и высохнуть должны.

Натянув старую растянутую кофту, встала и подошла к окну. Пару дней назад я заделала щели и теперь уже так не дуло. Выглянув в окно, поняла, что ошиблась. Возможно, дождь был ночью, а сейчас с неба задернутого свинцовыми тучами валил мокрый тяжелый снег.

Вздыхнув, я невольно глянула туда, где совсем недавно лежал медведь подранок. Он ушел на следующий день, немного шатаясь, и хромя на заднюю лапу. Я искренне желала, чтобы все у него поджило, и он добрался до своей берлоги.

Снова поежившись, обняла себя за плечи. Нужно было идти в дровницу, а это значит, высовывать свой нос наружу.

А там грязь, слякоть и сырость.

Не любила я осень, да и зиму тоже. Летом дел невпроворот: сбор трав, сушка, измельчение. Потом на тракт идти торговать, так среди людей и день незаметно проходил.

А зима – это время одиночества.

Раньше хоть кошка была, да умерла от старости. Я бы и рада приютить котенка, да нет его и взять неоткуда. Голод вокруг, перевелись животные.

Вздыхнув, я потянулась за старенькой шубкой и обулась в калоши. Деваться некуда, нужно топить, иначе все черной плесенью порастет да отсыреет.

Через час в комнате стало теплее.

Снова глянув на улицу, убедилась, что снег более не идет. Значит можно идти за дровами, да и ягоду может соберу: у ручья в низине ее ой как много еще осталось.

Выйдя из дому, я направилась напрямик в лес, таща за собой старенькую низкую тележку. Под моими ногами чавкала грязь, а выпавший белый снег на глазах превращался в холодную склизкую жижу. Пробравшись через ельник, я вышла на опушку. Глянула на землю, ища свежие следы. Зверя видно не было. Пройдя вперед, углубилась в лес, следуя своей тропинкой.

Далеко заходить не стала, выбрав на опушке березу потолще, достала топор и принялась рубить. Плотная древесина даваться не хотела.

Занятая своим делом, не сразу сообразила, что лес стих. Так бывает, когда какой хищник забредает. Повалив, наконец-то, дерево, я прислушалась.

Тишина.

И вдруг злобный низкий лай совсем близко. Собаки у нас водились, но в лес они редко забредали. Что им тут делать? Их забота двор хозяйский охранять.

Сжав в руке топор, я продолжала стоять истуканом.

Вроде и ничего страшного не происходит, но ощущение такое словно я жертва, на которую охота ведется. Глупое чувство, необоснованное. И впору посмеяться бы, только сердце как башенное колотится.

Минута прошла, за ней вторая.

В лесу сохранялась тишина, даже птица редкая не вскрикнет, только скрип ветвей в вышине. Немного расслабившись, я принялась спешно рубить ствол на чурки и складывать их в тележку. Ветви для растопки наспех связала веревкой и кинула сверху. Так быстро я, наверное, никогда топором не орудовала.

Но постепенно тревога моя вернулась, и стало муторно беспокоино.

Уже не обращая внимания на то, что тележка моя полупустая, я схватилась за ручку, и потащила ее к дому. Одно желание было – убраться из лесу поскорее. Выйдя на свою протоптанную годами тропинку, ускорила шаг, а вскоре и вовсе побежала, оставляя последние силы на то, чтобы допереть свою ношу.

Не вышло!

Дорогу мне преградили два огромных рыжих пса в кожаных ошейниках.

Барина охотничья свора.

Я остановилась и замерла, понимая, что раз тут две собаки, то остальные на подходе, а там уж и хозяева подоспеют. И тогда мне конец. Я в их глазах добыча интересная, и попользуют, и собак своих натаскают. Живой от таких не уйти. Медленно я двинулась вперед, но сделав всего три шага, снова остановилась, услышав злобное рычание. Недалеко раздался охотничий рог, и гадать не нужно было, какую жертву учуяли псы.

Не дыша, я сдвинулась к телеге и вытащила заточенный топор.

Выбор у меня был не велик: или я убиваю этих двух собак, что клонят оскаленные морды к земле, или мне уже никогда не вернуться домой.

После войны барин и его сынки творили в округе, что хотели. Словно обезумели они от своей власти. Всех недовольных ждала одна участь – веревка, натертая мылом и перекинутая через ветвь ближайшего дерева.

Звук собачьего лая вернул меня в реальность: свора приближалась. Замахнувшись топором, я пошла на собак. Но от первого же удара пес увернулся и вцепился мне в ногу, сжав челюсти, словно тиски. Вскрикнув, я выронила топор и схватила животное за морду, пытаюсь освободиться.

Не тут-то было. Собака мотала головой, словно пытаюсь вырвать от меня кусок плоти.

Закричав, я спровоцировала и вторую собаку к атаке: подскочив, она попыталась вцепиться мне в горло, но промахнулась. Острые зубы впились в моё плечо, мешая мне двигаться.

«Вот и все» – эта мысль стрелой ворвалась в моё сознание.

Домой я уже не вернусь никогда!

Псы все агрессивнее терзали моё тело. Но теперь я боялась не их, а того, что буду еще жива, когда нагрянут их хозяева. Мне представить было жутко, что со мной сделают. Вцепившись в собачью шею, я лихорадочно соображала, как быть.

По тракту летом ходили самые мерзкие слухи о том, как сынки барина поохотились в том или ином месте. И трофеем там служили не всегда зверьё. Все чаще молодые девушки или парни, и если вторых загоняла свора, то женщинам так не везло. По мере того, как на меня накатывало осознание, в душе поднималась яростная паника.

Нет, я так погибать не хочу, тогда пусть разорвет свора.

Главное барина прихвостням не достаться. Зажмурившись, я продолжала пытаться разжать челюсть одной из собак, но уже понимала, что бой проигран. Разумом это осознавала, а на инстинктах все еще пыталась вырвать свою жизнь из звериных челюстей.

Поляну огласил громкий медвежий рык.

Не успела я сообразить, что происходит, как одна из собак отлетела в сторону и замерла у дальнего дерева. Из разорванного брюха вытекала кровь. Моё сердце кольнула неуместная глупая жалость.

В чем повинно животное, коли хозяева уроды лишённые всякой морали?!

Всхлипнув, я повернула голову и увидела прямо над собой недавнего знакомца – подранка медведя. Но сейчас он выглядел настоящим лесным монстром. Огромный, лапы размером с мою голову, а когти... в глазах потемнело. Я сглотнула, глядя, как зверь встал на задние лапы и зарычал.

Вторая собака, видимо, поняв, что пожаловал хищник крупнее, выпустила моё плечо и отскочила в сторону. Держась на расстоянии, она истошно лаяла, призывая подмогу.

Я перевела взгляд с нее на лесного хищника, медведь тоже смотрел на меня. В его глазах было что-то такое... разумное. Человеческое. И главное, он не нападал, просто водил носом из стороны в сторону и наблюдал, заинтересовано, будто диковинку какую обнаружил.

Может, признает!

Робкая хрупкая надежда всколыхнулась чахлым огоньком в моей душе.

– Мишенька, – прошептала я, – пощади.

Отползая на четвереньках, я молилась только об одном: чтобы собачий лай отвлек хищника, чьих намерений я не понимала. Он просто смотрел и не сходил с места.

Медведь еще раз повел носом и неожиданно зарычал, глухо, но сердито. Глубоко вздохнув, нащупала свой топор и ухватила за него. Нет, конечно, я понимала, что против такого зверя он бесполезен. Но! Я словно пыталась оправдать свои поступки. Ну, не кидать же его здесь: коли выживу, так уж что-то из своего имущества уберегу.

Глупо, но мне так хотелось верить, что я увижу завтрашний день.

Не обращая внимания на то, что за моей спиной собака, я отползала в сторону ельника.

Всего каких-то десять минут бегом и я спасена.

Медведь, видя мои попытки убраться отсюда по добру поздорову, зарычал сильнее и двинулся на меня.

Это послужила сигналом! Подскочив, я рванула в сторону деревни, но моё бегство быстро прервал пес, вцепившись в мою шубу. Не теряя времени, я бросила топор и вытащила руки из рукавов, оставляя кровожадной псине свою верхнюю одежду.

Я бежала как сумасшедшая, давясь собственным дыханием. Бок нещадно колот, а перед глазами мелькали мурашки. Но я не останавливалась, гнала себя вперед. Позади отчаянно заскулил пес и умолк. Видимо навсегда. Округу снова огласил охотничий горн. Я даже отдалено слышала свору. Это прогонит медведя.

Звук повторился.

Это придало мне скорости.

Сейчас у меня есть призрачный шанс спастись, а значит, нужно бежать. Просто передвигать ногами и не оборачиваться. И пусть за мной несутся все демоны этого леса. Я хочу домой: закрыть ветхую дверь, забраться под одеяло и осознать, что я все еще жива. Дышу. Думаю.

Споткнувшись о корень, выступающий из земли, я упала, растянувшись плашмя на земле. Удар пришелся на подбородок. Клацнув зубами, прикусила кончик языка. Кровь быстро наполнила рот. Сглатывая, я остро ощущала металлический привкус. Поднявшись, хромя, уперто побежала к дому.

Оставалось совсем немного.

И леший с ним, с топором и тележкой!

И пусть я осталась без единственной шубы, но жива! Я все еще дышу.

Выживу. Найду старый тупой топорик, был он где-то в сарае. Наточу и за зиму выкошу все сосенки у дома. Да, сырец плохо горит и копоти от него много. Но, ведь горит же.

А значит, будет тепло.

Не помню, как заскочила в собственный огород. Взлетев на крыльцо, застряла ногой в прогнившей ступеньке, выдернула ее и буквально заползла в дом.

За спиной захлопнулась дверь.

Первый раз за много лет я пожалела, что не поменяла засов, прогнивший еще при жизни мамки. Дыша, как загнанная лошадь, отползла к единственной мебели в комнате – кровати, и недолго думая, залезла под нее. И только там, слушая собственное сердце, я медленно выдохнула.

«Живая!»

Время тянулось бесконечно долго. За окном завывал ветер, на крыше шуршала мышка, вдалеке каркала ворона, тревожа мой слух.

Лежа на холодном полу, прижавшись щекой к шершавой половице, тихо плакала, давясь слезами. Никогда прежде, я не позволяла себе этой слабости. Ребенком была – не плакала. Даже когда тело матушки в могилку стаскивала, и то держала себя в руках. Понимала, что никому в этом чуждом мире слезы мои не интересны. А сейчас я не могла остановить поток влаги, стекающий по лицу.

Так близко от собственной смерти я еще не была никогда. Теперь замерзнуть в собственном доме в лютый мороз, не казалось мне самым страшным в жизни.

В комнате становилось темнее. Напряжение покинуло моё тело и теперь мне хотелось просто спать, но вылезти из-под кровати я всё равно не решалась. Перед глазами стоял облик грозного огромного медведя. Быстро же он оклемался.

А этот взгляд, словно человек на тебя под личины зверя смотрит.

С детства я слышала рассказы о лесных жителях, о целых селениях перевертышей – людей с душой зверя, способных менять свой облик.

Мало кто их видел, но сомнений в их существовании не было. Лес принадлежал не нам, и даже в годы войны отряды солдат, что нашего князя, что соседнего, никогда не заходили глубоко в лес.

Страх жил и множился в сердцах людей.

Тяжело шумно выдохнув, я глянула на дверь. Такой засов не спасёт даже от человека, чего уж там про зверя дикого говорить.

С улицы донёсся истеричный лай собак, от которого у меня душа заледенела.

Свора!

Ни жива ни мертва, я шептала губами молитву и просила лесных духов только об одном – пусть охотники обойдут мой дом стороной.

Пусть не взглянут на жалкую халупу с прогнившей крышей.

Пусть беда пройдёт стороной.

Но лесным богам не было дела до маленькой смертной. Дверь распахнулась от сильного толчка, и в дом ворвались собаки. Они быстро нашли меня под кроватью и, вцепившись в мои руки и ноги, потащили наружу.

Я кричала и плакала, но животные сильнее сдавливали свои челюсти, причиняя мне адскую боль.

– Фу, – раздался донельзя противный скрипящий голос надо мной, – и кто же у нас здесь.

Собаки отскочили от меня мгновенно. Приоткрыв глаза, я увидела слащавого вида молодого мужчину. Блондин с зализанными волосами явно был барских кровей. Холёный, белолицый, он мог назваться красавцем, если бы не был столь похож на женщину.

– Кто там, Легой, – раздался ещё один голос от двери.

– Я нашёл себе игрушку на сегодняшнюю ночь. Клык и Рябой подошли не зря, – оскалился в улыбке подонок.

Я сразу поняла, о чём речь. Наивность никогда не была мне присуща. Сглотнув, повернула голову и глянула на дверь.

Их было семеро. Морды отъевшиеся, вещички новёхонькие. Но такой вид гадкий. Под их похотливыми взорами мне хотелось забиться под пол. Понимала я, снасильничают, а потом все следы уничтожат так, чтобы и разговоров не было. И скажут в деревне, что сгорел дом сироты с ней вместе.

Сглотнув, я отвела от них взгляд на окно. Там в сумрачном небе неярко горел молодой месяц.

– Как наиграешься, отдашь нам. Больно девка хороша.

– Посмотрим, насколько крепкой окажется.

Барский выродок дёрнул на мне одежду. Подол старенького потрёпанного штопаного платья разошёлся по шву, обнажая мои бёдра и открывая глумливому взору мужчин коротенькие панталоны.

– Хороша, – большая волосатая лапа больно сжала мою лодыжку и раздвигая ноги. – Поиграемся вдоволь. Но прежде ты мне кое-что расскажешь, птичка.

Мужчины пакостно хохотнули, поднимая в моей душе волну омерзения.

– Вот вышли, – сладко пропел тот, кого назвали Легой, – мы будем развлекаться в интимной обстановке.

Я сглотнула, наблюдая, как закрывается за охотниками дверь.

– Встать, – мужчина дёрнул меня за волосы, вынуждая подняться. Но долго стоять на ногах мне не пришлось. Толчком он опрокинул меня на кровать.

– Медведь? Видела его?

Я молча смотрела на этого подонка неспособная от ужаса раскрыть рот. Казалось, решилась дара речи.

– Отвечай! – склонившись, он сжал моё горло. – А будешь в молчанку играть, я вопрос на твоём животике вырежу. Ты видела медведя?

Я захрипела и покачала головой из стороны в сторону.

– Врёшь, девка, а есть так, – мужская ладонь опустилась на мою промежность и сжала ткань панталон.

Ощувив прикосновение к женскому естеству, я обезумела и принялась вырываться. Мои зубы клацали, чуть задевая руку подонка.

– А ну, уймись!

Моё лицо обожгла сильная затрещина. Глаз заболел так, что, казалось, вот-вот просто лопнет.

– Снова дёрнешься – зубы выбью. Я спрашиваю ещё раз, медведь, где он? Такой трофей не может так просто от меня уйти.

– Не знаю, – выдохнула я.

Мой голос больше напоминал сейчас вой.

– Плохо, что не знаешь. Эта тварь мне ещё за двух собак ответит, но пока я займусь тобой.

Мужчина опустил руку и ухватился за ткань нижнего белья. Мои панталоны поползли по бёдрам вниз. Всхлипнув, я снова принялась вырываться, за что получила кулаком по виску. От удара в голове загудело, а на глаза словно туман напал. К горлу подступила тошнота, мешающая нормально дышать.

– Вот так-то лучше. В какой позе тебя отыметь для начала, а, малышка? Держу пари, ты ещё мужика не нюхала. Люблю быть первым.

Моё тело, словно мешок, приподняли и перевернули. Я уткнулась носом в собственное одеяло.

Обнажённые ягодицы обжёг болезненный шлепок.

– А может высечь тебя, некоторые маленькие невинные деревенские простушки просто текут порой от боли. Тебе нравится внимание барина, а? Если ты мне понравишься, может, заберу тебя с собой. Ты ведь будешь стараться для меня. Ну-ка покажи, как ты умеешь стонать от боли.

Надо мной послышалась какая-то возня. Глухо постанывая, я полезла рукой под матрас, там лежал небольшой нож, который я держала с детских лет. Всё боялась, что ко мне зверь какой лютый забредёт. Не зря опасалась. Пришёл, да не один.

Нащупав металлический предмет, замерла. Вот он мой шанс. Главное, не струсить. Не смалодушничать. Нужно собраться и держать себя в руках, не паниковать.

Порой во сне мне снилась Матушка Зима и всё обещала мне сказку. Вот сейчас я остро ощутила чувство несправедливости и обманутости. Я не дам себя в обиду насильнику.

Не позволю над собой надругаться.

По стене мелькнула тень, и мою кожу обожгло словно огнём. Слёзы брызнули из моих глаз.

– Ммм, какие узоры мой ремешок оставляет на такой нежной попке.

Грубая ладонь погладила мою ягодицу, а потом больно сжала. Снова удар! Тихо плача я сжимала в руке небольшой нож, понимая, что возможность у меня будет всего одна и нужно собраться.

Я сильная! Я смогу!

Удары тяжёлого кожаного ремня сыпались градом на мои бёдра, ягодицы, поясницу. Я выла в голос, но это лишь распалило моего мучителя.

Какая же он тварь в человеческой шкуре.

– Какая девочка мне досталась! Крепкая малышка! Но я тебя сломаю. Люблю превращать людей в кусок теста и разминать их. Это так забавляет.

Наконец-то, откинув в сторону ремень, мужчина склонился надо мной. Я ощутила его язык на своих бёдрах. Как пёс он лизал кожу, кусаясь, оставляя мокрые гадкие следы. От таких мерзких ощущений меня тошнило.

Я подавляла рвотные позывы и сильнее сжимала в правой руке нож. Как замороженная глядя на свою конечность, распухшую от собачьих укусов, молилась только об одном – не упустить возможность.

Сладковатый ком снова подкатил к горлу. Внезапно ощутив мокрый язык внутри себя, я дёрнулась и лягнула тварь ногой.

Мерзость. Какая же это мерзость! Невыносимая!

Это было ошибкой. Очередной удар кулаком пришёлся мне между лопаток. Воздух разом вышел из моих лёгких, а сознание помутилось, утопая во вспышке боли.

– Не дрыгайся, кошечка, ты такая сладенькая. Не мешай мне играть с тобой.

Чужой язык снова вторгся в моё тело. Я лежала, не шевелясь, и представляла, как убью этого подонка. Просто нужен шанс. Один-единственный шанс.

Чтобы остаться в здравом уме, медленно считала и при этом представляла – что это не моё тело сейчас тыкают пальцем. Я ощущала его шершавость в себе, и это было настолько мерзким, что хотелось визжать.

– Не хочешь становиться мокренькой, ну, и неважно, – раздался звук плевка, и моё тело снова подкинули, переворачивая меня лицом к насильнику. Он нависал и жутко скалился. Его брюки были спущены, и между ног вздыблено торчал его... Я даже мысленно не могла обозвать то, что видела. Меня снова замутило. Какая пакость этот орган: тощий и бледный. Отвратительный.

– Ну, поцелуешь меня.

Схватив мою голову за затылок, мужчина стащил меня с кровати, роняя на колени. Моего лба коснулась эта мерзкая штука.

Это стало последней каплей. Я вскинула руку и полоснула ножом в воздухе. Мужчина пискляво закричал, а по его ногам заструилась кровь. Словно чужими глазами, я смотрела на глубокую рану на сомнительном мужском достоинстве.

– Тварь! – зашипел этот урод, и сложился пополам, прижимая ладони к своему члену.

Не думая, я снова полоснула ножом, на этот раз попав по лицу.

Мужик взревел, я же, наконец, подскочив на ноги, схватила толстую чурку, которой дверь подпираю, и ударила воющего от боли мужчину по голове.

Один раз! Второй! Третий!

Только когда он без сознания упал на пол, я опустила руки.

Мой мучитель был жив, но не двигался.

Что дальше? Ведь там снаружи ещё несколько мужчин.

Мой несостоявшийся насильник сла?бо застонал, вяло дёрнувшись. Подняв ещё раз над собой чурку, снова приложила её об голову мужчины. Нет, не было у меня жалости к нему. Таких зажавшихся скотов, возомнивших себя хозяевами жизни, только так и надо учить.

Это не человек – это падаль.

На эмоциях плюнув на затихшего охотника, я натолкнулась взглядом на бочонок с сушёной перечной травой. А ведь у меня в кладовке ещё один такой полный практически. План созрел в моей голове мгновенно.

Стащив с мужика куртку, местами запачканную кровью его поганой, я, не жалея, обсыпала её сильно пахнущей специей. Опухшие от укусов кисти плохо меня слушались. Но в душе был такой подъем.

Спаستись! Вот, что главное!

Часть сушёного порошка попала на мерзавца и осела на растекшейся крови. А почему бы и нет! Я перевернула бочонок и высыпала остатки перечной травки на недвижимое, но живое тело. Вот сунутся сюда собаки и весь нюх им надолго отобьет.

В моей душе упорно прорывался через сумрак обречённости росток надежды.

Накинув на истерзанное тело мужскую охотничью куртку, я оторвала подол платья и наспех надела самую тёплую свою юбку. На голову тонкую единственную шапку. Ночь на дворе поздняя осень снег вон с утра валит. Замёрзну в лесу, если не утеплюсь.

Метнувшись в кладовку за ещё одним бочком перечной травы, добро посыпала им единственную комнату в доме. Собаки не смогут взять мой след. А значит, есть шанс найти какую заброшенную землянку охотничью да уцелеть. Переждать, а потом куда в город уйти. Но домой мне больше не вернуться. Убьют. Собрав свои немногочисленные пожитки в узелок, я первый раз за всю жизнь обрадовалась, что нет у меня ни кота, ни пса дворового.

С каким сердцем я бы сейчас свою животинку оставляла.

Мужчина сла?бо застонал.

Это вернуло мои мысли в нужное русло. Схватив узелок из единственного одеяла и бочонок с остатками приправы, я тихо подошла к входной двери. Моё крыльцо выходило на огород, за которым располагался лес, а вот мужчины поместили свору собак в тесном, но закрывающемся на засов палисаднике, сами же развели костёр сбоку дома.

Не думая и не теряя времени, я тихо выскользнула на улицу и скорее по памяти почти вслепую добралась до ельника.

Бежать!

Глава 4

Перекинув через плечо узелок, в кромешной темноте пробиралась вглубь леса. Шаря в пространстве руками, спотыкалась об коренья, сбивала ноги, порою просто ползла через овраги на четвереньках. А главное, понимала, слишком медленно иду.

Найдут!

Временами мне чудился собачий лай. Остановившись, я вслушивалась в пространство. Тишина. Только редкие трели ночных птиц.

Успокаиваясь, я брела дальше, не ведая куда. Зачерпывая рукой перечную траву, распыляла, замечая свои следы.

Пусть не учуют, не выследят, дадут мне один-единственный шанс на спасение.

Я всё время молилась лесным богам, чтобы уберегли. Скрыли и не выдали на растерзание.

Зацепившись в очередной раз за невидимую ветку узелком, сильно дёрнула и, оступившись, кубарем покатила по склону очередного оврага. Моё падение заняло какие-то секунды. Только и успела подумать, что нужно за что-то ухватиться. Но не сумела. Ударившись о ствол толстого дерева, кажется, лишилась сознания.

Выныривая из вязкого тумана забытья, я лишь тихо крякнула, боясь издать лишний звук. Я всё ещё была в лесу, на дне глубокого оврага, по шею укрытая опавшей листвой.

Вдали залаяли собаки. И это мне не почудилось.

Моё сердце на мгновение остановилось и пустилось вскачь.

Но хуже всего было то, что вся приправа просыпалась из бочонка, который валялся тут же около моего узелка. Конечно, от меня уже разлило перечным ароматом, но я была до такой степени перепугана, что казалось, учуют. Всё равно выследят.

Откуда-то сбоку снова долетел до меня лай своры.

Кривясь от боли, встала на нетвёрдые ноги. Прелая сырая листва забила под шапку, но я не обращала на это внимания. На небе распускались предрассветные полосы, оповещая о начале нового дня. Надо мной запела свою трель маленькая птичка, а где-то за лесом огласил округу охотничий горн.

Я всё ещё находилась на непростительно близком расстоянии от охотников.

Но теперь я могла различать дорогу.

С трудом устояв на ногах, я чуть отряхнулась и, перекинув узелок через плечо за спину, прижимая руку к рёбрам, которые отдавались колющей болью при каждом вдохе, как можно быстрее полезла вверх из глубокого оврага. Ноги скользили по сырому от росы склону. Но пальцы, чёрные от грязи, хватались за любые веточки и корешки, удерживая меня и не позволяя упасть.

Оказавшись наверху, я сориентировалась, с трудом припоминая эти места. Да, далеко от дома, но не настолько, чтобы точно не нашли. Ориентируясь на восходящее солнце, я побежала на запад в самые дебри.

Лесные жители волновали меня сейчас меньше всего. От людей бы скрыться. Внимательно смотря, куда наступаю, перебиралась от одного дерева к другому, не позволяя себе отдохнуть.

Лес давил, нависая надо мной скрипучими соснами.

Главное, не заплутать. Выйдя на неизвестный мне ручей, я позволила себе присесть и сделать пару глотков воды.

За моей спиной на удалении снова раздался звук охотничьего горна.

Протерев влажной рукой грязное исцарапанное лицо, снова пошатываясь, встала и побрела вдоль ручья. Ноги подкашивались, каждый вдох давался с трудом и приносил столько боли, что в пору было выть.

Силы были на исходе.

Хотелось просто прилечь у какого-нибудь дерева и забыться.

Я словно дремала на ходу, и только журчание воды под ногами приковывало моё внимание. Наступив на очередной выпуклый камень, каких по бережку широкого ручейка было великое множество, поскользнулась и упала в воду. Юбка вымокла моментом. Хватаясь руками за землю бережка, утопала пальцами в ледяной грязи.

Холод мгновенно сковал тело, но я всё равно смогла встать. Отойдя чуть от воды, снова побрела вперёд, не обращая внимания ни на потоки грязной воды, стекающей с юбки, ни на тяжесть промокшего узелка, ни на то, что в ручье в илистом дне потеряла свои ботинки.

Моё сознание тихонько отключалось и лишь неотстающий от меня звук охотничьего горна, колол мой разум и подстёгивал передвигать ноги.

Подняв голову, осмотрелась.

Перед глазами всё плыло. Где я вообще?

Кряхтя и сглатывая вязкую слюну, на четвереньках взобралась на довольно крутой склон берега и покрутила головой.

Ритуальные камни лесных.

Выложенный из гладких белых камней с начерченными на них рунами круг спутать с чем-то иным было невозможно. Там за ними начиналась территория перевертышей. Тяжело выдохнув, прислушалась.

Мой притупленный усталостью и ноющей непрекращающейся болью слух уловил лай. Похоже, собаки метались по округе.

Вскоре я не смогу передвигаться: ноги уже практически не слушались меня. И охотники меня найдут. Они просто прочешут весь лес. После того, что я сделала с барским сынком, мне просто не жить. Но не умереть мне было страшно, а пугало то, что будет до смерти. Они ведь так поиздеваться могут, что сама молить их буду о кончине. А там, за этими камнями, я стану недосыгаема для них.

Даже если и попадусь я лесным, так убьют они меня, не мучая.

Кивнув своим мыслям, я, спотыкаясь на ровном месте, поплелась к камням.

Переходя от одного к другому, невольно вглядывалась в руны.

Интересно, что они значат?

Я была безграмотна, впрочем, как практически все жители мелких умирающих деревень. Нам читать да писать было ни к чему, наше дело землю пахать, стада пасти, да баринам угождать. Но от таких мыслей становилось самой противно.

Конечно, я хотела научиться читать и хоть раз подержать в руках настоящую книгу с картинками. Узнать что-то новое, сложить буквы в слово и написать

собственное имя на белоснежном листе бумаги.

Мечты.

Я вздохнула и замерла у последнего камня. Ну, вот и всё: перейду его и можно бежать дальше. Даже если охотники и пойдут за мной, им с их горном и сворой псов на лесных напороться куда легче, чем мне.

Улыбнувшись потрескавшимися стянутыми губами, оттолкнулась от гладкой белоснежной поверхности валуна и пошла вперёд в неизвестность.

Солнце поднялось над горизонтом, когда я мешком упала под высокую раскидистую ель. Понимая, что дальше уже идти не смогу, стуча зубами, забралась под широкие лапы и сжалась в дрожащий от холода комочек. Хотелось кушать и спать. С тоской я вспоминала свой дом и старенькую промазанную печь. Кровать с матрасом, набитым свежим сухим, вкусно пахнущим сеном.

Сейчас бы я только проснулась, понежилась под одеялом, а потом, ворча, сходила в дровницу за поленьями. Растопила бы печь. В комнате постепенно стало тепло и уютно. Ну и пусть, из мебели у меня была лишь койка да расшатавшийся стол.

Но это был мой дом.

Дом, в который мне уже не вернуться!

Дом, который наверняка уже спалили из мести.

Всё, что у меня осталось – это маленький узелок с тремя платьями да мамкиной шерстяной кофтой. Вот и всё, что я нажила за восемнадцать годков. Не густо.

Непрошенные слезинки скатились по моей щеке.

Но кому интересны слёзы сироты. Ветер, играя в ветвях елей и сосен, напевая мне колыбельную. Скрип стволов вторил этой песни леса. Закрыв глаза, я позволила себе уснуть.

Где-то хрустнула ветка. Мой слух ясно уловил этот звук. Лёжа на сырой холодной земле, старалась не дышать, боясь даже мысленно представить, кто ходит на маленькой полянке. Меня укрывали, лежащие на земле, еловые лапы и это давало мне маленькую надежду на то, что останусь незамеченной.

Открыв глаза, я прищурилась и всмотрелась вперед. Прямо передо мной в каких-то двух-трех шагах стоял молодой олень с небольшими рогами. Он спокойно щипал пожухлую траву и, казалось, даже не подозревал, что на него неприлично тарасится человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/luneva_mariya/ne-detskie-skazki-v-ob-yat-yah-medvedya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)